

Облако остановилось навсегда

"Моя самая любимая тень - та, которая всегда направо от меня, которой можно все рассказать, которая всегда со мной направо и падает, и встает вместе со мной. Когда белый снегопад, и когда черный ворон сидит на краешке камина. Всем и всему в глаза смотрит. Захочется свинячить, она красной кровью по белому снегу кричит. Но наступает время и она, направо спадающая, уходит. Остаешься ты одна. Остаешься, чтобы я, собственно, стал твоей тенью. И это так хорошо. Ничего другого уже и не желаю".
(Гвидо Звайгзне)

"В землю, в подземелье втотпан я. Мне долго расти, чтоб воскреснуть однажды, На смерть лететь, на жизнь лететь, С седьмого неба в Латвию вернуться".
(Андрис Сланиньш)

и сами отправились туда.

Мы все доверяли друг другу, знали, что друга не предадим. У нас с Юрисом такое взаимопонимание возникло еще на съемках "Легко ли быть молодым?". Совершенно случайно мы поехали тогда на концерт в Огре. Сначала все было тихо, но неожиданно произошел нагоящийся взрыв, молодежь сорвалась, все начали прыгать, плясать, а потом еще и разгромили три вагона электрички. ЧП для 1986 года! Юрис после этого вызвали в КГБ, допрашивали, кого и что он видел, меня стали очень настойчиво заставлять побыстрее проявить пленку, чтобы посмотреть, кто там был. Что делать? И я как бы нечаянно уронил коробку с какой-то пленкой, она засветилась, я отдал засвеченную пленку. Вот тогда-то, мне кажется, между мной и Юрисом и установились особые отношения взаимопонимания и веры друг в друга.

Когда мы снимали у телецентра в Вильнюсе, страха я не чувствовал, он пришел только через несколько дней при просмотре материала. У меня даже руки вспотели, когда понял, что же происходило. Помню, Юрис мне все тогда кричал: "Саша, снимай! Саша, снимай!" Я снимал, а меня били прикладом, здорово били, кожу снесло на лопатке, четыре диска позвоночника вылетело (потом ездил на Украину к Касьяну, он ставил). После съемок Юрис поехал с отснятым материалом в Ригу, а я остался с Анри Крембергом снимать все, что в Вильнюсе будет. Юрис ехал домой, находясь буквально в шоке от происшедшего, а когда подъезжал к Риге и увидел, что в ней строят мощные баррикады, понял, что самое страшное - впереди.

20 января мы узнали, что наши друзья ранены, попытались уехать на машине, но попали на заслоны, армия держала Вильнюс в кольце, и мы вернулись. Позвонили Подниексу, а он велел ехать к командиру вильнюсского ОМОНа, взять у него интервью. И мы с Анри часа два гоняли перед этим интервью по городу и орала, не помню что, какие-то песни, что-то еще, чтобы как-то сбросить с себя чудовищное напряжение. А уже во время интервью я вдруг поймал себя на том, что упорно смотрю на автомат, прислоненный к стене, а Анри мне шепчет: "Саша, спокойно, Саша, спокойно". Он-то знал про мои три года морской пехоты и спецназа, и знал, что в том состоянии я на все способен.

И после этих съемок мы опять дали слово, что войну больше снимать не будем, и тем не менее все же поехали в Дубоссары. Готовились и к огромной картине, которая

должны были рассказать о Латвии, России и Грузии. Еще у Подниекса была великолепная идея - сесть в поезд Москва-Владивосток, ехать в нем, брать у пассажиров интервью, выходить на станциях, показывать где что происходит. А еще он долго писал сценарий художественного фильма по произведению Томаса Манна и Яна Райниса. Хотел показать, что человек не меняется в своей сути, и в XX веке остается таким же, как в XIX, или до этого. У нас уже и деньги на картину были, но Юрис сказал: "Я не могу снимать это в тот момент, когда по моей земле ездят танки и давят людей". И мы продолжали снимать страшную хронику тех дней. "Поехали в Грузию, застали там переворот, который попытался устроить Кетовани, потом я снимал там все бои на Руставели, свержение Звиада. А потом сделали в память о наших друзьях фильм "Час молчания". Наступил май, я поехал на Украину навестить могилы родителей, вернулся, Юрис как раз собирался на Кулдыгу отдохнуть, он сам отъезд, все его родственники там живут. В один из дней он ушел с акванангом плавать и больше его никто не видел. Искали семь дней...

До сих пор не могу понять, что его больше нет. С его смертью словно забрали половину меня, оторвали вместе с сердцем.

Я решил закончить фильм о Грузии, полтора года там работал, ездил на свои деньги, был ранен - пятнадцать осколков, правда, маленьких, но все равно. Снимал на передовой. Потом, когда монтировал, не мог отделаться от ощущения, что держу в руках не пленку - мариолог, столько убитых уже людей она запечатлела, многие умирали на моих глазах. Сам же я в Грузии во все свои поездки брал две гранаты, одну - в карман, другую - под бронезилет: не хотел, чтобы, если меня серьезно ранят, быть обузой. Чем чтобы кто-то меня вытаскивал, рисковал, лучше самому сорвать кольцо, хотя, конечно, при этом и нарушалась бы Христова заповедь.

Мне Юрис как-то рассказывал о том, как испытал на войне жуткий страх. Он летел на вертолете в Степанакерт, и в нем было полно коровьих туш, еды же в городе не хватало. Начался обстрел, и тут он, может быть, в первый раз сильно испугался от мысли, что погибнет среди этих туш и будет лежать такой же тушей. Впрочем, он-то как раз и спасли его - все пули в них попадали.

А вообще Юрис ничего не боялся. Мог же он не идти сам в четвертый блок, мог же послать туда других операторов? Мог, но ведь пошел. Не считая четвертого бло-

ка, мы раз восемь были на могильниках и очень прилично там получили. У меня, например, зубы посыпались и волосы. И как раз на Чернобыле произошел один случай, вроде бы пустяк, но мне он запомнился на всю жизнь. Мы были там зимой. Лежал снег, слегка подтаявший, Юрис наклонился вытереть снегом руки, и я не удержался, вцепил в него снежком. Тогда Гвидо, Анри и Юрис напали на меня вторым, я сначала отбивался, а потом взял камеру и стал снимать наш шуточный снежковый поединок. Гвидо оказался между мной и Юрисом, мы попадали в него, и он закричал: "Эй, в камеру не стрелять!" Это была игра, и это были снежки, и это был еще 1988 год.

В журналиста нельзя стрелять, и сам журналист не имеет права носить оружие. Никогда, даже для самообороны. Когда ты берешь в руки оружие (вспомни Чехова!), оно должно выстрелить. Для меня, например, выстрелить в кого-то тяжело, хотя и учился этому в спецназе. Я боюсь, что, если мне придется взять в руки автомат, то стану боевиком и уже не смогу никогда быть журналистом. Правда, и я убивал: на охоте, на БАМе, как-то завалили медведя. Все шло хорошо, я старательно целился, и понял, что убил, только лет через десять, когда сам посмотрел, как люди стреляют друг в друга. Видеть, как в людей, стоящих рядом с тобой, попадет железо - невыносимо. Ужас состоит в том, что мы, легко нажимая курок, думаем, что убиваем врага, а убиваем человека. И потом он обязательно придет к тебе ночью.

Сам Юрис говорил: "Я прежде всего человек, потом латыш, режиссер, отец." Он был очень обаятелен, знаешь, такой многогранник. С каждым человеком, с которым общался, у него были свои интимные отношения, люди верили ему и доверялись во всем. К тому же он был по-настоящему мудр. Казалось бы, мелочь - как строились наши отношения в группе. По договоренности с ним мы разделили "обязанности". Я, помреж, был "гадом", строго за всеми следил, ругал за всяческие провинности, а он был все понимающим, снисходительным шефом. И это срабатывало. Хуже всего приходилось мне, ведь я постоянно ругал своих собственных товарищей. Но это не мешало нашей дружбе. И я очень любил и Андриса, и Гвидку.

Андрис был давним другом Юриса, они вместе снимали еще "Созвездие стрелков". Сланиньш - погрязший оператор, особенно ему удавались этнографические картины. Он был переполнен идеями, утром мог начать съемку с одной мыслью, через два часа придумать что-то другое, а закончить все вечером совершенно по-иному. Вулкан идей, при всем этом совершенно спокойный, флегматичный. Не холодный, а именно спокойный. А Гвидку мы все звали Сын рыбака. У него отец рыбак, такая простая семья, рыбацкая много лет. Его родители не верили, что он станет хорошим оператором, считали, что занимается несерьезным делом, а Гвидо потихоньку, потихоньку, но поступил по ВГИК, упорно работал, только вот защититься не успел. Часто ему приходилось трудно, и не оттого, что что-то не удавалось, а просто не верил в себя, что ли, паниковал от мысли, что работает у такого высококлассного оператора, как Юрис.

Мы в жизни многое теряем и как-то не заостряем на этом внимание. Но когда ушли мои друзья, у меня возникло такое чувство - скорей бы дожить эту жизнь и уйти к ним, догнать их. Здесь без них мне одному стало просто неинтересно, я без них не могу. Нет, конечно, я радуюсь дочкам, люблю жену, но это все другое. Без этих ребят нет покоя в моей душе. Ну, нет. Я так думаю, что и им без меня там грустно.

"Молчи земля,
Остановись облако,
Незаметно подкралась смерть".
(Андрис Сланиньш)

Материал подготовила
Тамара СЕРГЕЕВА

● На съемках фильма
"Легко ли быть молодым?"
Крайний справа - Юрис Подниекс,
третий слева - Александр Демченко